

УДК 1 (091)

Хосе Ортега-и-Гассет о месте и роли философии в жизни общества

В.Ф. Титов

Философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедра истории философии

Аннотация. В статье анализируются взгляды испанского мыслителя на философию. Хосе Ортега-и-Гассет считает, что прежние философские концепции – материалистические и идеалистические, опиравшиеся преимущественно на рациональное объяснение явлений природы и общества, устарели. Они не в состоянии объяснить процессы, происходящие в обществе. Нужна новая философия, которая была бы тесно связана с земными реалиями, помогала бы их понять и определить пути решения возникающих проблем.

Abstract. The paper analyzes the views of the Spanish philosopher José Ortega y Gasset on philosophy. The earlier philosophical concepts – materialistic and idealistic – based mainly on rational explanation of natural and social phenomena have become obsolete. These concepts seem to be incapable of explaining processes taking place in the society. From the thinker's point of view there is a need for new philosophy connected to new realities and capable to understand and determine the ways for their solutions.

Ключевые слова: философия, наука, рационализм, личность, общество, общественный прогресс, кризис культуры, "человек-массы"
Key words: philosophy, science, rationalism, person, society, social progress, crisis of culture, "person-of-mass"

1. Введение

Как известно, дискуссии, а еще в большей мере разговоры, о месте и роли философии в жизни общества сопровождают философию практически с момента ее возникновения. В целом это можно оценивать как положительный фактор, который способствует развитию философской мысли. Однако в европейской истории, к сожалению, были периоды (например, в эпоху Средневековья), когда философия теряла статус самостоятельности и становилась "служанкой богословия".

Ситуация, складывающаяся в настоящее время в европейском культурном пространстве, судя по всему, во многом схожа со средневековым состоянием философии. Само собой разумеется, что речь идет не о форме, а о содержании. Если конкретизировать, то это проявляется в засилье философского мелкотемья, особенно характерного для постмодернизма, засорении философского языка бытовой терминологией, словами, порой не имеющими смыслового содержания, одним словом словоблудием, претендующим на философскую значимость.

На фоне этого нерадостного темноватого философского пейзажа хотелось бы изложить взгляды на философию испанского философа Хосе Ортега-и-Гассета (1882-1955), являющегося одним из наиболее авторитетных философов XX века.

2. Х. Ортега-и-Гассет о функциях философии

Чтобы точка зрения испанского философа была более понятна, необходимо сказать несколько слов о фундаментальных основах его концепции. Ортега исходит из принципа, начавшего утверждаться в европейском научном сознании в период Нового времени, согласно которому одной из основных функций философии, как и всей науки, является предвидение, предвосхищение и прогнозирование различных сторон духовной жизни общества. Еще О. Конт (1798-1857) сказал, имея в виду систему человеческих знаний, что смысл знаний в предвидении, а смысл предвидения – в обеспечении действия.

Оценивая состояние философской мысли, испанский мыслитель, вслед за немецким философом О. Шпенглером (1880-1936), констатирует кризис современной цивилизации, и в частности европейского общества. Это он объясняет главным образом технизацией всех сторон общественной жизни, которая отчуждает человека от его сущности и распространяется на все сферы человеческой деятельности. В связи с изменением условий человеческого существования меняется статус и назначение философии. Именно в этом ракурсе надо рассматривать идею Ортега о необходимости пересмотра прежних философских воззрений и создания новой системы философских взглядов. Согласно Ортеге, прошлое предстает в глазах новых поколений как заблуждение. По-видимому, в этом он руководствуется гегелевской мыслью, сказавшего по поводу человеческой жизни: "Когда мы обращаем взгляд на прошлое, то первое, что мы видим, это руины" (Гегель, 1935). По мнению Ортега, каждое новое

философское учение начинается с того, что выявляет заблуждения предшествовавшего или предшествовавших учений, становясь благодаря этому уже другой философией. Однако такое выявление было бы лишено всякого смысла, если бы каждое новое учение не стремилось хотя бы формально, хотя бы в одном из своих проявлений преодолеть прежние заблуждения. Это должно вызвать у исследователей озарение, которое приводит к открытию нового аспекта в понимании прошлого, как инструмента познания истины. "Каждое философское учение, – пишет Ортега (1991), – используя недостатки предыдущих, рождается в полной уверенности сразу в том, что по крайней мере этих ошибок оно не допустит".

Главными проблемами философии, которые должны быть в центре ее внимания, должны быть, по мнению Ортеги, ее сущность, роль в познании Вселенной, общества и человека, а также ее история. Именно этим проблемам посвящены многие его известные работы.

Прежде, чем излагать взгляды Ортеги о кризисе философии и создании новой философии, следует напомнить, что испанский мыслитель в целом стоит на позициях экзистенциализма. Его взгляды по данным вопросам, как, впрочем, и по другим, не отличаются последовательностью и логической безупречностью. Другими словами, для его философских суждений порой характерны декларативность, логическая непоследовательность, а иногда и противоречивость.

3. Критика рационализма Р. Декарта и Г. Гегеля Х. Ортегой-и-Гассетом

Главный недостаток предшествующей философии, и в частности философии Нового времени, Ортега видит в ее отрыве от реальной жизни, в анализе сущности и бытия человека в неестественной для него среде. Предшествующая философия характеризуется им как утопическая и в чем-то примитивная. Ее утопизм заключался в том, что каждый философ, создавая свою систему или разрабатывая отдельные идеи, придавал им абсолютное значение, приписывал им всеобщую значимость. Примитивизм философии, а в ортегианском значении это означает схематизм, упрощение, проявлялся в попытке философов придать своему субъективному видению мира или событий объективный характер. "Ясный и простой схематизм, – пишет Ортега, – чистосердечность иллюзий (вера в открытие всей полноты истины), та уверенность, с которой утверждаются формулы, полагаемые непоколебимыми, все это производит впечатление завершенного, определенного, окончательного мирка, в котором уже нет проблем – все в нем уже получило свое разрешение. Нет нечего приятнее долгих прогулок по столь ясным, столь тихим миркам. Но вернувшись домой, мы видим, что миры этих философских учений не были истинным миром, а лишь горизонтом видения их авторов. Теми горизонтами, которые интерпретировались ими как предел вселенной, за ними уже нечего нет, но которые были только кривыми линиями пейзажа, замыкающего перспективу их видения. Всякая философия, желающая исцелиться от этого укоренившегося примитивизма, упрямого утопизма, должна исправить данную ошибку, избежать превращения мягких линий широкого горизонта в окостеневший мир" (Ортега, 1991).

Критика Ортегой предшествующей философии не является безымянной. В фокусе его внимания среди прочих философов находятся Декарт и Гегель. Признавая огромную роль Декарта и Гегеля в развитии рационалистической философии, в признании права человеческого мышления на онтологически самостоятельное существование, Ортега тем не менее подвергает их критике за абсолютизацию рационалистического видения мира и оторванность в их системах человека от реальных условий его существования. Ортега считает, что, начиная с Декарта, философия действительно делает первый шаг в направлении, противоположном привычкам и традициям нашего разума. Она идет против течения обыденной жизни и удаляется от нее, двигаясь равномерно-ускоренно до точки, где у Лейбница, Канта, Фихте или Гегеля философия становится миром, увиденным наизнанку, великолепной противоестественной теорией, которая не может быть понята без предварительного посвящения и становится теорией посвященных, тайным знанием, эзотеризмом. Мышление поглощает мир, а вещи превращаются в чистые идеи. По существу, считает Ортега, философия Декарта последовательно, хотя и не до конца, обрезает связи, соединяющие человека с миром, явлениями, вещами, другими людьми. Она превращает каждый разум в отгороженный участок, а это означает, что ничего внешнего не может проникнуть в душу, что окружающий мир не воздействует, не обогащает нас всем своим многообразием. Получается, что разум имеет дело лишь с самим собой и не может выйти за свои пределы. Ортега, как и ряд других представителей новых течений в философии, не может согласиться с тем, что Декарт определяет человека как "мыслящую вещь". В одном случае как мыслящую, но не протяженную, а в другом – протяженную, но не мыслящую. Другой стороной учения Декарта, определившей критическое отношение к нему Ортеги, было выдвинутое им решение вопроса о взаимосвязи человека и мира. Декарт наделял познание человека "определенной автономией, что способствовало как бы изыманию его из мира; связь познавательной деятельности человека с миром, в котором он живет, Декарт если и не отрицал, то ею пренебрегал. Результатом этого явилось признание за разумом не только возможности, но и права создавать понятия в отрыве от реальности и ее специфики, создавать условный мир. Именно

поэтому первой наукой для него становится математика, совершающая свои действия, отвлекаясь от предметно-реального мира" (Ортега, 1991).

Характеризуя гегелевский этап в развитии философии, Ортега отмечает, что Гегель творил в тот период, когда капитализм развивался по восходящей линии и не встречал каких-либо серьезных препятствий на своем пути. Эпоха Гегеля гарантировала западноевропейской мысли такие условия, что она на какое-то время уверовала в незыблемость прогрессивного развития, неуклонное совершенствование существующего строя. Именно этим во многом объясняется оптимизм философии Гегеля, его уверенность в незыблемости исторического процесса и прогресса. Этот же фактор помогает объяснить появление гегелевской концепции как своеобразного венца философского развития. Однако в новых условиях прежние истины и философский оптимизм вступает в противоречие с конкретными реалиями, а следовательно, возникает настоятельная необходимость переосмыслить прежние философские истины. Конкретизируя эту идею применительно уже к творчеству Гегеля, испанский мыслитель предлагает критически переосмыслить знаменитое гегелевское выражение "все разумное действительно, все действительное разумно". Ход его рассуждения таков. Поскольку для Гегеля исторический процесс – как общечеловеческий, так и специфически философский – был совершенным, т.е. таким, каким и "должен был быть", то Гегель утверждает, что история "разумна". Однако, если посмотреть исторически, то совершенно ясно, что "разумность", которая, по мнению Гегеля, свойственна истории, – это "разум" не исторический, а тот, который с некоторыми вариациями был известен еще со времен Аристотеля, и с тех же времен считался неизменным, "вечным", противоположным историчности.

"Я считаю, – пишет Ортега, – что назрела необходимость перевернуть формулу Гегеля, сказать, что не история является «разумной», а сам разум, истинный разум является историческим. Традиционное понятие разума является абстрактным, неточным и утопическим. Но поскольку все, что существует, должно быть конкретным, то и разум, если он существует, должен быть «конкретным разумом»" (Ортега, 1991).

Получается, что Ортега был среди тех мыслителей XX века, кто осознал раньше других пагубность преимущественно рационально-отчужденного характера философии и попытался на широком культурологическом фоне осмыслить ее современную роль (Журавлев, 1993). Ортега ставит задачу создания такой философии, которая, не отказываясь от достижений прошедших этапов, в большей степени учитывала бы новые жизненные обстоятельства и прагматические потребности человека.

4. "Новая" философия Ортеги-и-Гассета и ее оценка

Созданию новой философии он посвятил большинство своих трудов. Сущность своей новой философии Ортега выразил следующей парадигмой: "Я – есть я и мои обстоятельства". Смысл этой парадигмы заключается в следующем. В отличие от рационалистической философии, принижавшей, а порой и отрицавшей внешние обстоятельства и их влияние на человека, Ортега не мыслит человеческое "Я" без окружающего его мира, или, по-ортегиански, обстоятельство, то есть того, что окружает человека. "Я" без окружающих его обстоятельств не является полноценным и даже более того, чистое "Я" просто-напросто не может существовать. Первое "Я" это "радикальная реальность человеческой жизни" во всей ее совокупности. Второе "Я" – это сознание. Понятие "обстоятельства" постоянно Ортегой изменялось и наполнялось все новым и новым содержанием. Вначале оно включало в себя природную географическую среду обитания человека, затем оно было дополнено культурным и социальным содержанием, а в конечном итоге вобрало в себя убеждения того социального мира, в котором обитал конкретный человек. В окончательном варианте в понятие "обстоятельства" было включено широкое содержание, вообравшее в себя практически весь культурно-исторический мир человека, который, по мнению Ортеги, изначально объединен с человеком, и без которого он не может существовать. Обстоятельства – это все то, что является предметом осознания, включающего в себя познавательную деятельность и другие формы восприятия и осмысления, например, эмоциональные, эстетические и т.п. Обстоятельства не дедуцируются из "Я" и не формируются субъектом, они – продукт внешнего и внутреннего мира. Всякому проявлению сознания предшествует предмет, т.е. обстоятельства. Бытие интерпретируется не как материя, идея или какая-либо субстанция, а как "перспектива", "ракурс". Утверждается, что определяющим фактором в онтологическом понимании мира и его познании является точка зрения, т.е. "ракурс".

Одним из факторов, предопределивших поиск Ортегой новой философии, было предощущение им того, что XX век поставит перед человеком и обществом такие проблемы, которые самым непосредственным образом будут касаться самих основ его жизни и потребуют новых методов исследования и понимания. Это, в свою очередь, обусловлено тем, что период стабильного, по восходящей линии, развития христианских государств миновал, а следовательно, ушли в прошлое тепличные кабинетные условия деятельности философов, когда они могли исследовать явления в "чистом" виде.

Жизнь, "улица" решительно стучатся в окно философа, и он не может не откликнуться на этот зов. Это тем более необходимо, что на Западе налицо глубокий кризис культуры, куда он включает кризис государственных институтов, системы образования и духовности человека.

Свои идеи по этим вопросам он высказал в ряде работ, но главным образом в "Восстании масс", опубликованной в 1930 году. Как свидетельствует европейская действительность завершающих лет XX и начала XXI столетий, некоторые из высказанных идей оказались пророческими. Есть все основания полагать, что сказанное Ортегой по этому поводу не потеряет своего эвристического значения и в последующие десятилетия. Прежде, чем анализировать идеи, высказанные в этой работе, скажем несколько слов о ее центральном образе-понятии, каковым является "человек-масса". Это необходимо сделать помимо прочего потому, что без понимания его содержания будет трудно понять сущность и формы культурного кризиса на Западе, о котором говорит Ортега. Если излагать коротко, то "человек-масса" – это всякий человек "кто сознательно не оценивает себя в понятиях «хорошо» или «плохо», а чувствует, характеризует себя «как все» и, тем не менее, не печалится от этого, а ощущает радость идентифицировать себя как все другие". "Человек-масса" – это социально-психологический тип "усредненного человека", добровольно отказавшегося от личного восприятия мира. Он не является, как это считают многие, причиной кризиса, он продукт этого кризиса, отмечает Ортега. "Человек-масса" выступает в качестве яркого разоблачителя специфического культурного кризиса современного западного общества, и в этом плане, по-видимому, можно говорить, что Ортега значительно продвинул вперед критический анализ бюрократическо-административного общества, начатый еще учеными Франкфуртской школы.

5. "Человек-масса" и его роль в современном обществе

Выяснение сущности "человека-массы" и его роли в современном обществе начинается после того, как Ортега делает попытку выяснить ту силу, которая действительно выражала бы и определяла духовную сущность западного общества¹. Уже на первых порах он встречается с серьезными трудностями. С одной стороны, проблема вроде бы ясна, но вот что предопределяет сущность современной культурной жизни, видно далеко не сразу. В конце концов Ортега приходит к выводу, что явления "восстание масс" и "человек-масса" возникли параллельно с резким улучшением условий жизни людей. Одновременно с этим "восстание масс" является свидетельством радикальной деморализации западного общества. Как стала возможной эта, на первый взгляд, парадоксальная ситуация? Еще в своей работе "Тема нашего времени" Ортега говорит, что человек не знает, под какой звездой он хочет жить. Эта проблема со всей ясностью проявляется в наше время. Современное западное общество имеет все необходимые предпосылки и условия для нормальной благополучной жизни, но не всегда ясно, как конкретный человек и люди вообще могут реализовать эти идеи в конкретной жизни. Человек повелевает многими, практически всеми вещами, которые его окружают, но не может управлять самим собой. Нечто странное происходит и во взаимоотношениях между людьми. Несмотря на колоссальные успехи в области науки и техники, общество, по мнению Ортеги, находится в кризисном состоянии. Это связано с тем, что несмотря на широчайшие возможности, которые открывают человечеству и отдельной личности достижения науки и техники для самореализации и самосовершенствования, человек тем не менее не может воспользоваться этим в полной мере, так как его существование и жизнь теряют смысл и в известной степени в силу определенных условий становятся бессмысленными. Происходит процесс радикальной дезориентации жизни, что в свою очередь самым негативным образом влияет на культуру общества, примитивизирует отношения между людьми. Именно этот фактор определяет сущность "человека-массы", то есть человека, живущего без цели. Поэтому он ничего не создает, хотя его возможности и силы являются огромными. Ортега не раскрывает, почему человек не имеет цели в своей жизни, и даже не дает однозначной оценки этому явлению. Он просто констатирует это положение в качестве своеобразной парадигмы бытия "человека-массы". Правда, одну из причин такого состояния, которая, порой, становится основной, он все-таки называет. Ею у него выступает правящая элита, которая, занимая обособленное место в обществе, отказывается выполнять возложенную на нее миссию. В итоге в обществе возникает ситуация, когда "масса" (под "массой" подразумевается человеческая толпа - В.Т.) отказывается быть управляемой, считая, что обеспечит себя сама. "Элита, чьим призванием является управление обществом, живет ради самой себя и не хочет занимать место руководителя" (Ortega, 1938a).

¹ Небезынтересно отметить, что спустя несколько десятилетий американско-немецкий мыслитель Г. Маркузе вводит в философский обиход "одномерного человека", очень похожего по своим параметрам на ортегианского "человека-массу". Философам хорошо известно, какой дискуссионный бум, а еще в большей степени даже движение "бунтующей студенческой молодежи на Западе" вызвали идеи Маркузе, в том числе и его "одномерный человек". Это ли не свидетельство футурологической значимости идей Ортеги?

Такое положение этих социальных групп, не находящих точек соприкосновения и не выполняющих присущих им социальных функций, ведут к кризису культуры на Западе. Далее Ортега указывает, что кризис возник не сам по себе. В известной степени он является косвенным результатом общего кризиса буржуазного мышления, особенно в том, что касается анализа реальной действительности. Подобная ситуация стала возможной в силу того, современная культура лишилась своих жизненных или – по ортегиански – "витальных" основ. Фактором, способствовавшим этому, явилось утверждение в обществе культа рационализма. В конечном итоге оказалось, что прежние формы культуры перестали соответствовать новому уровню человеческих взаимоотношений, а новых, отвечающих духу времени, рационализм не создал. С другой стороны, "человек-масса" для Ортеги является закономерным результатом развития европейской цивилизации. Его убежденность в этом не вызывает сомнения и подтверждается такими словами "триумф масс и соответствующий значительный подъем жизненного уровня произошел в Европе в силу внутренних причин и, в частности, благодаря двухсотлетнему прогрессивному повышению культурного уровня людей и параллельно шедшему экономическому обогащению общества" (Ortega, 1938b).

Конкретными виновниками современного кризиса является либеральная демократия и высокий уровень развития техники. Вина либеральной демократии заключается в признании политических свобод и беспрепятственного участия людей в общественной жизни. Развитие и совершенствование техники способствовали неимоверному усилению мощи человека и формированию у него ощущения всемогущества его власти и возможностей влиять на происходящие события. Ни один из этих факторов не появился в XIX веке. Все они возникли значительно раньше, то есть в предшествующие два столетия. "Три фактора, – пишет Ортега, – сделали возможным этот мир: либеральная демократия, научные исследования и индустриализация. Два последних можно объединить в один – это техника. Ни один из этих факторов не был создан в XIX веке. Свое происхождение они ведут от двух предыдущих столетий. Заслуга XIX века заключается не в их изобретении, а в их внедрении" (Ortega, 1938b). Такой подход позволяет отыскать причину современного состояния культуры, каковой является чистый разум, расцветший и утвердившийся в философии в предыдущие столетия.

6. Современный кризис и "человек-массы" Х. Ортеги-и-Гассета

Прямо скажем, что несмотря на постоянное внимание к этой проблеме и значительное число публикаций, посвященных ее изучению, полной ясности в ее понимании нет. С одной стороны, получается, что поведение, общественно-политическая деятельность "человека-массы" самым непосредственным образом влияют на создание кризисной ситуации в культуре, а с другой – он является производным от этой культуры и разделяет ее судьбу. В первом случае "человек-масса" характеризуется как "вертикальный варвар", использующий в полной мере права и привилегии, предоставляемые ему обществом, но не прилагающий никаких усилий для их обновления. Это означает, что человек, доминирующий в обществе, по своей сущности является примитивным "натурменшем", появившимся в среде цивилизованного мира. Как это ни покажется парадоксально, но в этом случае "человек-масса" является патологическим результатом культурного фетишизма и природного варварства, так как безумно любит культурную среду, без которой не может существовать, и одновременно использует ее для спонтанного удовлетворения своих желаний и инстинктов. В действительности же его "не интересуют фундаментальные ценности культуры". По существу у "человека-массы" отсутствует чувство культуры, так как нет культуры там, где нет сознательного понимания среды и тех норм, которыми руководствуется общество. Получается, что существованию "человека-массы" не хватает легитимности в той мере, в какой степени его свобода в культурном плане не имеет веса. Неучастие в культурной жизни в материально-предметном выражении означает неспособность поддержать человеческую цивилизацию. В этом плане Ортега не согласен со Шпенглером, утверждавшим, что человеческая цивилизация может пережить по инерции ту культуру, которая ее породила. "Я не могу позволить себе верить в это, – пишет Ортега, – так как техника в своей сущности – это наука, а наука не может существовать, если не проявляется заинтересованность в своей чистоте, а такого интереса может не быть, если люди не будут продолжать оставаться под вдохновением общих принципов культуры" (Ortega, 1938b). В результате этого "человек-масса" не может управлять и контролировать цивилизацию, в которой он живет. Поддерживание и сохранение современной цивилизации в свете сказанного требует каждый раз все большей научной подготовки и исторического сознания. Использование своей силы требует более глубокого этического чувства, но отсутствие культурного сознания обрекает "человека-массу" быть жертвой своих дел и в конце концов оказаться уничтоженной ими. Нет никакого сомнения, что такое варварское поведение предполагает постоянный кризис европейской культуры. В этих условиях либеральная демократия протитует в отношениях с "восстанием масс", и эту ситуацию Ортега жестко критикует, обозначая ее как "больную демократию", существеннейшими чертами которой являются нивелирование различий

между людьми в ущерб человеческой экзистенции.

Но это только одна из сторон исследуемой проблемы. Если проанализировать, как шел процесс формирования этого человека, то окажется, что его появление и последующее существование – это закономерный исторический результат внутреннего развития Запада. "Все, что происходит, – замечает Ортега, – является следствием или результатом этой радикальной структуры, которую можно было бы резюмировать так: мир, возникший в XIX веке, автоматически создав нового человека, заложил в него огромные желания, могущественные средства различного типа, чтобы удовлетворить их: экономические, физические, социальные, научно-технические. После наделения его такими потенциями XIX век оставил его с самим собой. В результате этой ситуации «посредственный человек», следуя своим естественным потребностям, замкнулся в самом себе" (*Ortega, 1938b*). Если это забвение человека понимать как необходимое следствие радикального устройства XIX века, то есть его культуры в самом широком значении этого слова, нужно было бы допустить, что современный рационализм со своими мифами прогрессивных учений и индустриализма, со своей верой в бесконечную власть разума, способствовал формированию у посредственного человека такой оперативной самодостаточности. Благодаря этому он без специальных усилий со своей стороны превратился в суперчеловека и герметически закрылся в самом себе. В конечном итоге "человек-масса" – это гибрид, в котором сфокусированы нормальный посредственный человек и благородный бесстрашный человек. Можно сказать, что все фибры "человека-массы" обволакивают благородное псевдосознание, и именно по этой причине оно не может востребоваться. Это псевдосознание, как всякое ложное сознание, является в действительности идеологией. Речь идет о рационализме как абсолютной идеологии и анонимной власти, которая появляется всегда, когда в ней возникает нужда, и которая не имеет большей веры в свой разум, чем результативность, с помощью которой она достигает любого решения и доказывает всякое данное обещание. Естественно, что в данном случае рационализм выступает не как философия, а как популярная вера в разум, которая присутствует в каждом человеке в качестве естественного стремления "иметь разум" без соответствующего требования быть самому на соответствующей интеллектуальной высоте. Человек с улицы предлагает свои соображения без того, чтобы подвергнуть их критическому анализу или другой гарантии – анонимного свидетельства его существования. Чтобы иметь основания для существования, разум не обязательно приводит доказательство своего бытия. Для этого достаточно убедить власть в том, что установившееся в обществе господство разума непрерывно и неустанно воспроизводится, и подобная ситуация не требует радикальных изменений. Империализм (этим словом Ортега обозначает всевластие – В.Т.) западного мышления, повсеместно утвердившегося в вульгарной вере в разум, дегенерирует в процессе апологетики таких действий, которые тем более являются разумными, чем эффективнее и организованнее в методическом плане они выступают. Результативность, таким образом, превращается в новый критерий очевидности. Публичная оценка означает как ценность в самой себе того, что торжествует на рынке вещей или явлений, с успехом или славой. С подобной идеологией, а именно она овладевает человеческой толпой, трудно бороться и разоблачать ее, так как она ежедневно усиливает свои позиции благодаря способности подтверждать свои гипотезы и исключать всякую другую точку зрения. Комбинация нездоровой демократии и техническое суеверие приводят к тому, что любое другое высказанное мнение вызывает у человеческой толпы ненависть по мере того, как оно стремится быть отличным от общепринятого, а посему оно осуждается местной властью с помощью масс-медиа. Важно также отметить, что Ортега этим и другими рассуждениями о природе и функциях государственной власти предвосхищает образ административного общества, в котором научная специализация, бюрократизация общественной жизни и автономизация человеческого существования закупили источники всякой оригинальности и нововведений. В этой ситуации "масса" восстает, поскольку считает себя обладательницей исключительной власти, впервые ставшей ее достоянием. Выдвигая эту идею, Ортега, по существу, не замечает, что "восстание масс" является тем же самым, что и восстание научно-технического разума против любой другой инстанции, и его заявка на полную власть, доступную всем, не является чем-то новым. По существу, Ортега не может ясно установить связь между рационализмом как философией и рационализмом как популярной идеологией с точки зрения своей концепции всевластия или воли к власти. В конце концов он приходит к мнению, что "восстание масс" реализуется против и за счет благородного и избранного меньшинства в силу неотесанности и непокорности "человека-массы", забывая на какой-то момент, что самое меньшинство, или элита, в первую очередь должна изменить свое поведение, как он об этом неоднократно заявлял в своем труде "Реформа интеллигенции". В итоге получается, что "человек-масса" является чистым потребителем социальных привилегий и отрицает свое подчинение любым общественным правилам, поскольку сама западная культура потеряла всякие нормы человеческого общежития, достойные уважения. Чтобы преодолеть этот кризис, Ортега призывает интеллектуалов возвратиться к участию в общественной жизни, чтобы с помощью новой идеологии сформировать новые принципы человеческих взаимоотношений, способные

вывести Запад из кризисной ситуации.

Значительное внимание в своих работах Ортега уделяет анализу общественного развития. Он считает, что выявление движущих сил общественного развития должно стать одной из фундаментальных проблем новой философии. Существующие подходы, в частности индивидуалистский, в соответствии с которым история делалась отдельными личностями (королями, полководцами, народными героями), и коллективистской, объясняющей историческое развитие деятельностью народных масс, содержат, по его мнению, в себе часть правды, но поскольку каждая из них напрочь отрицает другую точку зрения, то можно сказать, что, в конечном счете, они являются ошибочными.

Опираясь на идеи итальянского социолога Вильфредо Парето, Ортега пытается преодолеть эти концепции и объяснить историческое развитие деятельностью аристократического меньшинства, то есть элиты. Он считает, что всякое общество содержит в себе такую функциональную структуру, в которой наиболее энергичные люди воздействуют на остальных людей и ведут их за собой. Разумеется, это происходит потому, что они, то есть элита и масса, обладают определенной однородностью, которая, кстати, отличает их друг от друга. Элита, а не отдельный гений или герой, воздействуя на толпу, улучшает ее природу и двигает историю вперед.

Одним из важнейших функциональных свойств избранного меньшинства является формирование в обществе социальных норм поведения, общественных законов. Всякая жизнь, в том числе общественная, предполагает существование иерархической структуры, и элита занимает в ней высшую ступеньку. Существование образцовости, примерности является необходимым социальным механизмом совершенствования общественной жизни. Следовать и подчиняться лучшему означает и самому совершенствоваться и улучшаться. Идя по дороге подражания лучшему, совершенствуется человеческая душа, которая не замыкается в самой себе, совершенствуется человек и развивается общество.

Не обходит своим вниманием Ортега вопрос о том, каким должно быть совершенное общество. Решает он его достаточно просто и в полном соответствии со своей философской парадигмой. Черты идеального общества содержатся в реально существующем государстве. Этим идеалом как реальностью, так и целью, является аристократизация и внутреннее совершенство общества. Для того, чтобы общество могло приобрести ту или иную форму, оно, прежде всего, должно реально существовать. По мере того, как оно будет аристократизироваться, оно все больше будет совершенствоваться. Общество, страдающее отсутствием аристократизма, по мнению Ортеги, является дефективным, ущербным, дегенеративным образованием, имеющей тенденцию к потере своей социальной сущности. Хотим мы того или не хотим, отмечает Ортега, как бы подытоживая свои рассуждения, но общество, чтобы существовать и нормально развиваться, должно обладать аристократизмом, или, если сказать по-другому, высоким уровнем духовной жизни.

7. Заключение

Подводя итог, можно с полным на то основанием утверждать, что Ортега не только поставил проблему создания новой философии, но и попытался обосновать свою точку зрения. Его анализ кризиса институтов государственной власти, раскрытие сущности "человек-масса", роли элиты – это как раз те проблемы, которые должны быть предметом исследования. Их всесторонний анализ, по мнению Ортеги, позволит преодолеть многие трудности и создать предпосылки для поступательного развития европейского общества.

Литература

Ortega y Gasset J. La rendicion de las provincias. *Madrid*, t.XI, p.172, 1938a.

Ortega y Gasset J. Obras completas. *Madrid*, t.IV, p.177, 154, 197, 184, 1938b.

Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. Соч. В 14 т. *М.-Л., Соцэкгиз*, т.7, с.69, 1935.

Журавлев О.В. Испанская философия XVIII-XX вв. Этапы становления и логика развития. *Дисс. в форме научного доклада на соискание уч. степени докт. филос. наук. Санкт-Петербург*, с.18, 1993.

Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? *М., Наука*, с.215, 49, 1991.